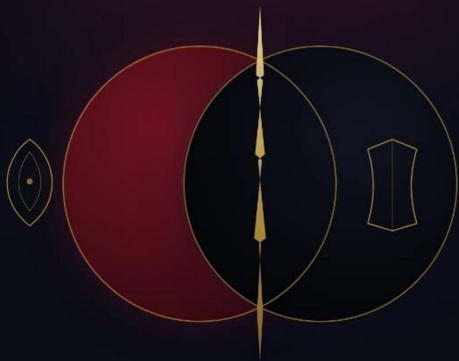

ГОРОДСКОЕ ФЭНТЕЗИ

УЗЫ ДВУХ ДОМОВ

роман

С. С. НЕТЕЛЕВ

Сергей Нетелев

УЗЫ ДВУХ ДОМОВ

<https://litres.ru/74184019>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один договор. Один год. Одна ложь, которая может стоить всего.

Алиса Вейн — последняя из разорённого и опозоренного Дома, чьё имя когда-то что-то значило в тайном магическом мире Айронвуда. Когда древний закон Совета выносит приговор — брак с Кэленом Эшвортом, наследником Дома, разрушившего её семью, — у неё нет права отказаться.

Фиктивный союз должен на год остановить вражду, тянущуюся поколениями. Витрина для Совета. Ничего настоящего.

Вот только чем ближе Алиса подходит к правде о прошлом двух Домов, тем яснее понимает: под ледяным самообладанием Кэлена скрывается человек, несущий груз, о котором она не подозревала, — и чувства, которые не собирались подчиняться условиям контракта.

Магия, которая не умеет лгать. Враг, готовый разрушить их союз изнутри. И любовь, которую не в силах создать или уничтожить ни один приговор Совета.

Городское фэнтези. Фиктивный брак. Enemies-to-lovers. Одна кровать не значит, но обещана искренняя, честная романтика с настоящими эмоциональными ставками.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1. ПОВЕСТКА	9
ГЛАВА 2. РОТОНДА	16
ГЛАВА 3. ТРИ ДНЯ	22
ГЛАВА 4. ЦЕРЕМОНИЯ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Нетелев

Узы двух домов

ПРОЛОГ

Пять лет назад

Кэлен Эшворт

Дом пах лилиями и холодным воском — запах похорон, который, как оказалось, ничем не отличался в мире магии от мира обычных людей.

Он сидел в отцовском кабинете один, всё ещё в чёрном костюме, в котором час назад стоял у могилы, и смотрел на кожаную папку, которую нашёл в нижнем ящике стола, там, где отец хранил вещи, не предназначенные для чужих глаз.

Двадцать три года. Возраст, в котором положено делать глупости и заканчивать университет, а не хоронить обоих родителей в одну неделю и наследовать кресло, которое весило больше, чем весь остальной мир вместе взятый.

Он открыл папку не потому, что был готов, а потому, что

не открыть её означало бы поставить точку в жизни отца, не узнав, чем она заканчивалась.

Внутри были документы. Старые, пожелтевшие, некоторые — почти истлевшие от времени, но подписи на них читались ясно, а печати не оставляли места сомнениям. Кэлен читал медленно, чувствуя, как что-то холодное и тяжёлое опускается внутри него с каждой новой страницей.

Кража. Не абстрактная историческая вражда двух Домов, которую он с детства принимал как данность, а конкретное, доказанное, подлое предательство: дед Алисы Вейн, человек, чьё имя произносили с уважением на каждом приёме Совета, обманом отобрал землю у семьи Эшворт три поколения назад, использовав лазейку в Договоре, которую сам же и создал.

Отец знал. Отец собирал доказательства годами, готовясь вынести дело перед Советом, готовясь уничтожить репутацию Дома Вейн окончательно и бесповоротно, вернуть украденное с процентами унижения, которые Кэлен, читая аккуратные пометки на полях документов, отчётливо слышал в отцовском голосе, хотя того больше не было в живых, чтобы произнести их вслух.

Он должен был закончить это со мной или без меня. Теперь заканчивать придётся мне.

Кэлен закрыл папку, но не убрал её в ящик. Вместо это-

го он подошёл к окну, глядя на сад резиденции, укрытый вечерними сумерками, — тот самый сад, где отец учил его различать растения, ловить магию земли пальцами, быть тем, кем предстояло стать.

Он не знал Алису Вейн. Не по-настоящему — только по холодным, формальным обменам взглядами на детских приёмах много лет назад, только по одному случайному дню, о котором сам уже почти забыл, если бы не старая, странная привычка вспоминать его в моменты, когда мир становился слишком тяжёлым: девочка с серьёзными глазами, слишком робкая, чтобы попросить вторую порцию торта.

Он подумал о ней сейчас — не потому, что документы в его руках требовали этого, а потому, что мысль о ней была единственной, что не причиняла боли в этот бесконечно долгий день.

Она ведь ничего не решала. Она не выбирала деда. Не выбирала украденную землю, не выбирала скандал с её отцом, разрушивший то небольшое, что осталось от чести их Дома. Она просто родилась Вейн — так же, как я родился Эшвортом, — и обоих нас теперь тянет на дно история, которую мы не начинали.

Кэлен долго стоял у окна, папка с доказательствами тяже-

ло давила в руке, а решение — то самое, что определит следующие пять лет обеих их жизней, — медленно оформлялось где-то в груди, тяжелее любого груза, что он когда-либо носил.

Он не мог знать в тот вечер, во что превратится это решение. Не мог знать про кремовый конверт с печатью цвета засохшей крови, что придёт пять лет спустя. Не мог знать про Ротонду, про ленту ритуального брака, про золотой свет, вспыхивающий перед лицом семи Домов. Не мог знать, что однажды девочка с тортом станет для него смыслом, который окажется сильнее и мести, и вины, и всей многолетней вражды вместе взятых.

Он знал только одно, стоя один в опустевшем отцовском кабинете, пахнущем лилиями и холодным воском: месть, которую хотел отец, умрёт вместе с этой папкой в самом дальнем ящике его собственного стола.

Что придёт ей на смену — он тогда ещё не представлял.

ГЛАВА 1. ПОВЕСТКА

Конверт лежал на моём столе, когда я вернулась с обеда, — плотная кремовая бумага, запечатанная воском цвета застывшей крови. Я знала этот оттенок. В Айронвуде его знали все, кто хоть краем уха слышал о Домах, — а я, в отличие от большинства горожан, не просто слышала.

Я в нём родилась.

— Тебе, — сказала Ким, не поднимая головы от микроскопа. Она реставрировала подпись на контракте девятнадцатого века, и её палец не дрогнул, хотя весь архив притих, стоило курьеру в сером костюме без единой складки войти и выйти. — Курьер сказал, лично в руки. Я, если что, ничего не видела.

— Мудрое решение, — пробормотала я, беря конверт так, будто он мог укусить.

Он мог. В переносном смысле — почти наверняка.

Печать Совета Домов не вскрывают в архиве среди чужих людей. Это знает каждый, кто рос с фамилией вроде моей. Я сунула конверт в сумку, натянуто улыбнулась Ким, пробормотала что-то о забытых лекарствах, и вышла на улицу быстрее, чем позволяли приличия.

Только в переулке за зданием, там, где не было камер — потому что Дома предпочитают, чтобы их переписка оставалась их делом, — я сломала печать.

Почерк был безупречен. Разумеется. Совет не мараает пальцы о собственные письма — для этого существуют клерки с каллиграфией, отточенной десятилетиями.

Дому Вейн.

В связи с эскалацией конфликта между Домом Вейн и Домом Эшворт, представляющей прямую угрозу соблюдению Договора Тишины, Совет приводит в действие Статью Седьмую Основного Договора.

Наследница Дома Вейн, Алиса Маргарет Вейн, обязана явиться на заседание Совета в третий день текущей недели для оглашения условий разрешения конфликта.

Неявка будет расценена как отказ от защиты, предусмотренной именем Дома, с последствиями, изложенными в Приложении III.

Я перечитала три раза, прежде чем буквы перестали расплываться.

Статья Седьмая.

Я знала, что это такое, — знала так, как знают вещи, о которых предпочли бы не думать: где-то на периферии сознания, аккуратно задвинутыми в самый дальний угол. Статья Седьмая — это то, что случилось с Домами два поколения назад, когда вражда становилась достаточно громкой, чтобы её могли заметить снаружи.

Брак.

Не по любви, не по расчёту даже в привычном смысле — по приговору.

— Нет, — сказала я вслух, себе, переулку, голубю, с достоинством игнорировавшему меня с карниза. — Нет, это какая-то ошибка.

Дом Вейн не воевал с Эшвортами уже лет пятнадцать. Дом Вейн вообще ни с кем не воевал, потому что Дому Вейн после скандала с отцом едва хватало сил существовать, не то что вести войну с одним из богатейших кланов города.

Разве что.

Я подумала о тётушке Ровене и её длинном языке на последнем приёме Совета. О письме, которое я подписала три месяца назад, даже не читая толком, потому что подписи от Вейнов уже давно ничего не решали. О старом деле с землёй на набережной, из-за которого юристы Эшвортов звонили дважды за последний месяц, а я велела секретарю архива вежливо не отвечать.

Кажется, я знала, откуда взялась эскалация.

Кажется, я сама её и создала — по кусочкам, из чистого упрямства не давать Эшвортам ничего, что осталось от моей семьи, даже клочка достоинства.

Телефон завибрировал в кармане. Незнакомый номер, но я уже знала, кто это, — Дома не пользуются обычной почтой для того, что требует немедленного ответа.

— Вейн, — сказала я, беря трубку, потому что в моём мире фамилия давно заменяла имя, стоило заговорить с кем-то из Совета.

— Мисс Вейн. — Голос был мне незнаком, ровный, безупречно вежливый — голос человека, для которого моя жизнь была строчкой в повестке дня. — Полагаю, вы получили письмо.

— Полагаю, вы уже знаете ответ, раз звоните.

Короткая пауза — не удивление, скорее сдержанное неодобрение моего тона.

— Заседание в четверг, в десять утра, в Ротонде Совета. Опоздание будет расценено как неявка. Со стороны Дома Эшворт условия огласит непосредственно глава Дома.

Сердце ухнуло вниз быстрее, чем разум успел это обработать.

— Кэлен, — сказала я, и имя прозвучало странно на языке, будто я не произносила его много лет. Собственно, так и было.

— Мистер Эшворт, — поправил голос с той же ровной вежливостью, — да.

Я закрыла глаза. Голубь на карнизе взлетел, будто ему тоже стало не по себе от того, что происходило внизу.

Пятнадцать лет назад Кэлен Эшворт был высоким мальчишкой с серьёзными глазами, который однажды, на детском приёме Домов, отдал мне свой кусок торта, потому что я слишком стеснялась взять добавку сама. Через год после этого его отец и мой перестали разговаривать друг с другом. Ещё через два — случился скандал, стоивший моей семье всего, что у неё было.

С тех пор я видела Кэлена Эшворта ровно дважды. Оба раза — издалека, на официальных мероприятиях, где мы притворялись, что друг друга не замечаем, потому что так было проще для обоих.

Теперь, судя по всему, нам предстояло притворяться кое-чем совершенно другим.

— Мисс Вейн? — голос в трубке напомнил о себе. — Вы меня слышите?

— Слышу, — сказала я, открывая глаза. Город вокруг выглядел точно так же, как пять минут назад, — и одновременно совершенно иначе. — Четверг, десять утра. Я буду.

Я отключилась прежде, чем голос успел сказать что-то ещё, сунула телефон обратно в карман и медленно опустилась на ступеньку у чёрного входа архива, потому что ноги внезапно отказались держать меня стоя.

Статья Седьмая.

Брак с Кэленом Эшвортом — с человеком, чья фамилия

разрушила мою жизнь ещё до того, как я успела её толком начать.

Я подняла голову к серому небу Айронвуда и рассмеялась — коротко, невесело, на грани отчаяния.

— Ну что ж, — сказала я никому конкретно. — По крайней мере, торт был вкусный.

ГЛАВА 2. РОТОНДА

Ротонда Совета находилась там, где ей и полагалось находиться, — в здании, которое обычные горожане Айронвуда считали заброшенным архивом городского планирования, закрытым на реставрацию уже добрых двадцать лет. Иллюзия держалась на паре второсортных заклинателей и старой доброй человеческой привычке не задавать вопросов о зданиях с табличкой «Вход воспрещён».

Я стояла перед резной дверью без единой ручки без четырёх минут десять, в единственном приличном костюме, который у меня остался, и старалась дышать так, будто это было обычное утро четверга.

Дверь открылась сама — разумеется. Ротонда не утруждала себя вежливостью вроде дверных ручек для тех, кого вызвала сама.

Внутри было именно так, как я помнила по детству: круглый зал без окон, тонущий в мягком, ниоткуда идущем свете, семь кресел по периметру для семи старейших Домов Айронвуда — и восьмое, пустующее, для тех несчастных, чьи Дома вызвали для разговора не как равных.

Кресло Вейнов, подумала я с горькой иронией, стоя на месте вызванного.

Кэлен Эшворт уже был там.

Я не готовилась увидеть его — точнее, готовилась, но под-

готовка не имела ничего общего с реальностью. Пятнадцать лет назад он был долговязым мальчишкой с серьёзными глазами. Теперь он был высоким, безупречно собранным мужчиной в тёмно-сером костюме, который сидел на нём так, будто был продолжением кожи, — с той же серьёзностью в глазах, только глубже, тяжелее, будто за эти годы в них осело что-то, чего не было раньше.

Он посмотрел на меня один раз, коротко, без узнавания на лице, — и я поняла: он тоже готовился, и тоже не был готов.

— Дом Вейн, — произнёс голос из центра зала. Не человеческий, точнее — не принадлежащий никому конкретно из присутствующих; голос самого Совета, порождённый магией куда старше любого из нас. — Дом Эшворт. Вы вызваны для разрешения конфликта согласно Статье Седьмой Основного Договора.

Я заставила себя выпрямиться.

— При всём уважении, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — я не понимаю, о каком конфликте идёт речь. Дом Вейн не предпринимал никаких враждебных действий против Дома Эшворт.

— Разбирательство по земельному участку набережной Крейн, — отозвался голос Совета без малейшей заминки, — отказ от переговоров по трём официальным запросам, публичное заявление представителя Дома Вейн на приёме в честь зимнего солнцестояния, содержащее прямые оскорбления в адрес главы Дома Эшворт.

Тётушка Ровена. Ну разумеется.

— Это было частное мнение одного члена семьи, а не позиция Дома, — попыталась я.

— Дом Вейн состоит из четырёх человек, мисс Вейн, — вставил Кэлен, впервые за всё время подав голос. Он звучал именно так, как я помнила, — низко, ровно, без единой лишней интонации. — Одно из которых — вы. Остальные три — ваша тётя, ваш дядя и его жена, ни один из которых не появлялся на публике последние пять лет. Позиция вашей тёти по умолчанию является позицией Дома, за неимением альтернативы.

Я посмотрела на него так, будто он лично меня ударил.

— Как мило, что вы изучили состав моей семьи.

— Как мило, что вы решили, будто я стал бы садиться в это кресло, не изучив дело, — парировал он без малейшего повышения тона, и это почему-то ранило больше, чем если бы он повысил голос.

— Довольно, — произнёс Совет, и оба мы замолчали, как дети, которых отчитали. — Эскалация между Домами Вейн и Эшворт достигла уровня, при котором дальнейшее промедление ставит под угрозу соблюдение Договора Тишины. Согласно Статье Седьмой, конфликт подлежит разрешению через кровный союз наследников Домов.

Я знала, что это прозвучит, — и всё равно, услышав слова вслух, в этом зале, при свете, не отбрасывающем теней, почувствовала, как земля слегка качнулась под ногами.

— Брак, — сказала я, потому что кто-то должен был произнести это слово прямо. — Вы говорите о браке.

— Я говорю о союзе, признанном Договором как средство прекращения вражды между Домами, — поправил голос Совета с той бесстрастной точностью, за которую я его ненавидела. — Условия союза оглашает Дом Эшворт как сторона, обладающая на данный момент большим влиянием в конфликте.

Все взгляды в зале — семь кресел старейших Домов, наблюдавших за нами с тем скучающим любопытством, с каким смотрят на спектакль, финал которого давно известен, — обратились к Кэлену.

Он поднялся. Медленно, без спешки, будто у него было для этого весь день, хотя я знала — по тому, как напряглась челюсть, — что спокойствие давалось ему не даром.

— Условия таковы, — сказал он, глядя не на Совет, а прямо на меня, впервые за всё время. — Брак заключается сроком на один год, с возможностью пересмотра по истечении. В течение этого срока мисс Вейн проживает в резиденции Дома Эшворт. Союз признаётся публично, в соответствии с требованиями Договора о видимой стабильности отношений между Домами. Финансовые обязательства Дома Вейн перед Домом Эшворт, включая земельный спор по набережной Крейн, замораживаются на срок действия союза.

Пауза. Я ждала подвоха — он не мог быть настолько прост, ни один Эшворт в истории Айронвуда никогда не

предлагал ничего без подвоха.

— И, — добавил он, чуть тише, будто это стоило ему усилия, — по истечении года, если союз будет расторгнут по взаимному согласию, Дом Эшворт официально снимает все имущественные претензии к Дому Вейн. Земля на набережной останется вашей.

По залу пробежал тихий шум — семь старейших Домов, судя по всему, тоже не ожидали подобной щедрости от главы Эшвортов.

Я смотрела на него, пытаясь понять, что за игру он ведёт, — потому что это не могло быть просто так. Люди вроде Кэлена Эшворта не отдают землю стоимостью в состояние ради годичного неудобства.

— Почему? — спросила я тихо, прежде чем успела остановиться себя. — Почему такие условия?

Что-то мелькнуло в его глазах — быстро, почти незаметно, спрятанное обратно за холодный фасад прежде, чем я успела разобрать, что это было.

— Потому что чем быстрее закончится это разбирательство, тем быстрее мы оба сможем вернуться к своим жизням, — сказал он ровно. — Я не заинтересован в затягивании процесса больше необходимого.

Ложь, подумала я — не потому, что уловила магию или явное несоответствие, а просто потому, что слишком много лет наблюдала за лицами людей, привыкших лгать красиво. Что-то в этом ответе было отрепетировано слишком гладко.

Но у меня не было выбора, чтобы копать глубже. У меня вообще, если быть честной с собой, не было выбора.

— Дом Вейн, — произнёс голос Совета, — ваш ответ.

Я посмотрела на пустое восьмое кресло, на семь старейших Домов, наблюдавших за мной без малейшего сочувствия, на человека, который пятнадцать лет назад отдал мне кусок торта, а теперь предлагал мне год своей жизни в обмен на моё имя рядом со своим.

— Я согласна, — сказала я, и голос почти не дрогнул. Почти.

Кэлен Эшворт кивнул один раз, коротко, будто мы только что заключили деловую сделку, а не связали свои жизни на ближайший год перед лицом древней магии и семи молчаливых свидетелей.

Может быть, для него так оно и было.

ГЛАВА 3. ТРИ ДНЯ

Резиденция Дома Эшворт занимала половину квартала в Верхнем Айронвуде — особняк из тёмного камня, с садом, который для обычных горожан выглядел как элитный бизнес-центр с непроницаемо тонированными окнами. Я приехала туда на второй день из отведённых трёх, потому что документы для церемонии требовали моей подписи лично, а курьеры больше не казались подходящим способом решать вопросы, от которых зависела вся моя оставшаяся жизнь.

Дверь открыла женщина в строгом костюме — не служанка, судя по осанке и взгляду, скорее кто-то из младшего состава Дома.

— Мисс Вейн. Вас ждут в кабинете.

Ждали не документы. Ждал Кэлен — за широким столом красного дерева, с таким видом, будто провёл здесь всю ночь, хотя часы показывали едва ли полдень.

— Вы рано, — заметил он, не поднимая головы от бумаг.

— Вы тоже, судя по кругам под глазами.

Он поднял взгляд — впервые с усилием, которое не удалось спрятать до конца, — и что-то в его лице на секунду смягчилось, прежде чем вернуться в привычную колею холодной вежливости.

— Присаживайтесь. Документы на столе. Прочитайте

внимательно, прежде чем подписывать, — я не хочу потом слышать, что вас к чему-то принудили.

— Мило с вашей стороны беспокоиться о моём согласии, учитывая, что у меня его, по сути, не спрашивали.

— У меня тоже, — сказал он тихо, и что-то в тоне заставило меня замолчать и действительно посмотреть на него.

Мгновение мы просто смотрели друг на друга через стол — два человека, которых бросили в одну лодку, не спросив, хотят ли они туда садиться, — и я вдруг вспомнила мальчика с тортом настолько ясно, что у меня перехватило дыхание.

— Кэлен, — сказала я, впервые за пятнадцать лет произнося его имя вслух, обращаясь к нему напрямую, а не к пустоте. — Что на самом деле случилось между нашими Домами? Тогда, давно?

Его лицо закрылось, как дверь.

— Это не имеет отношения к документам, которые вам нужно подписать.

— Имеет отношение ко всему, что происходит сейчас, — возразила я. — Мы собираемся жить под одной крышей год. Я думаю, я заслуживаю знать, почему.

Он долго молчал, глядя на бумаги перед собой так, будто в них можно было найти ответ получше, чем правда.

— Спросите свою тётю, — сказал он наконец. — Уверен, у неё есть версия этой истории. Возможно, даже близкая к правде.

— Я спрашиваю вас.

— А я не готов отвечать, — отрезал он с той окончательностью, которая не оставляла пространства для дальнейших вопросов, и придвинул ко мне папку с документами. — Читайте. У нас не так много времени.

Я взяла папку, борясь с желанием сказать что-то резкое, — но остановилась, потому что где-то за его ровным голосом мне послышалось не раздражение, а что-то похожее на боль, тщательно упакованную в холодность.

Документы оказались именно такими, как он описал в Ротонде: год, резиденция, заморозка спора о земле, полное снятие претензий по истечении срока. Я читала медленно, ища подвох между строк, — и не находила ничего, кроме одного пункта в самом конце, набранного мелким шрифтом, будто его хотели, чтобы я пропустила.

Пункт 14. Стороны обязуются поддерживать публичный образ союза, соответствующий требованиям Договора о видимой стабильности, включая, но не ограничиваясь: совместное появление на официальных мероприятиях Совета, отсутствие публичных заявлений, дискредитирующих союз, и — при необходимости, определяемой Советом, — прохождение Ритуала Связи для подтверждения искренности намерений.

— Что такое Ритуал Связи? — спросила я, поднимая взгляд.

Что-то мелькнуло в его лице — быстро, но безошибочно узнаваемо. Тревога.

— Формальность, — сказал он слишком быстро для человека, для которого это действительно было формальностью. — Совет иногда требует магического подтверждения серьёзности намерений в союзах, заключённых по Статье Седьмой. Обычно до этого не доходит.

— Обычно?

— Мисс Вейн. — Он снова посмотрел на меня, и в его взгляде впервые за весь разговор была не холодность, а что-то похожее на предупреждение. — Подпишите документы,

или не подписывайте. Но не пытайтесь разобрать по кусочкам каждую строчку в поисках ловушки. Ловушки здесь нет. Есть только два человека, которых заставили сделать то, чего они не хотели, — и один из них пытается сделать это как можно менее мучительным для обоих.

Я долго смотрела на него, прежде чем взять ручку.

— Хорошо, — сказала я, подписывая последнюю страницу. — Но если окажется, что Ритуал Связи — это что-то, о чём вы не сказали мне сейчас, я обещаю, этот год станет самым мучительным в вашей жизни, а не только в моей.

Уголок его губ дрогнул — почти незаметно, почти улыбка, первая за весь разговор.

— Учту, — сказал он, забирая подписанные документы. — Церемония завтра, в семь вечера. Машина заедет за вами в шесть.

Я поднялась, чтобы уйти, но остановилась в дверях.

— Кэлен.

Он поднял голову.

— Спасибо, — сказала я, сама удивившись тому, что говорю это всерьёз. — За условия. За землю. Я не знаю, зачем вы это делаете, но... спасибо.

Что-то в его чертах снова дрогнуло — то же самое выражение, которое я не смогла распознать в Ротонде, спрятанное так быстро, что я почти усомнилась, видела ли его вообще.

— Не благодарите меня, — произнёс он тихо, почти неслышно. — Ещё не время.

ГЛАВА 4. ЦЕРЕМОНИЯ

Платье прислали утром — без записки, без объяснений, просто белая коробка с логотипом ателье, о котором я слышала только в контексте цен с четырьмя нулями. Тёмно-синее, почти чёрное, простого кроя, без единой лишней детали — будто тот, кто его выбирал, точно знал, что я не хотела бы выглядеть невестой в традиционном смысле этого слова.

— Кто-то неплохо в тебе разобрался, — заметила Ким по видеозвонку, единственный человек за пределами Дома, которому я осмелилась рассказать хоть часть правды — версию про «срочный деловой брак по семейным обстоятельствам», достаточно расплывчатую, чтобы не нарушить Договор Тишины.

— Или просто исключил самый очевидный вариант, — ответила я, разглядывая платье с подозрением, будто оно могло что-то мне сказать о человеке, за которого я выходила замуж через несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.